

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Дом Лопухина

Петр Васильевич Лопухин

Широкий обзор архивной информации свидетельствует о том, что в 1823-1824 гг. собственно на бульваре (мы не берем в расчет старые постройки Куликовского, Россета и те, что появились по будущим переулкам – Театральному, Воронцовскому – и по Екатерининской площади) не было ни одного оконченного строения, за единственным исключением. Правда, летом 1824-го серьезно обозначилось продвижение строительства дома графа Болеслава Потоцкого, № 1, о чем будет сказано в другом контексте. Исключение составляет лишь дом известного государственного деятеля

князя *Петра Васильевича Лопухина* (1753-1827) – это место нынешней гостиницы «Лондонская». Участок князю отвели 3 августа 1820-го.⁶²¹ По уже изложенным причинам строительство

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-72.

не могло развернуться, но после ликвидации казарм дело сдвинулось с мертвой точки, и 13 марта 1822-го Строительный комитет утвердил «план и фасад дому его светлости». ⁶²² Постройка была осуществлена максимум за два сезона. Откуда это известно? Из оценочной ведомости недвижимости, составленной ранее 30 апреля 1824 года: дом Лопухина оценен в 35.000 рублей. ⁶²³ В дальнейшем этой недвижимостью владел сын Лопухина, Павел Петрович (1788-1873), герой многих военных кампаний, генерал-лейтенант, масон.

Павел Петрович Лопухин

Любопытно, что в перечне действующих одесских кофеен, у которых есть проблемы с оформлением документов, от 5 мая 1824 года в доме князя Лопухина значится и кофейня иностранца *Франциска (Франческо) Синьорини*. ⁶²⁴ Об этом старейшем одесском кондитере речь идет в разделе о доме Поджио (Кирико).

Таким образом, в бытность свою в Одессе Пушкин видел на новостроящемся бульваре лишь один готовый двухэтажный фасадный дом, тогда как отдельные смежные участки вмещали лишь заготавливаемые для последующей постройки материалы. Граф М.Д. Бутурлин, находившийся в Одессе в 1824-1825 годах, свидетельствует: «Бульвар на морской набережной только что разводился, и дома вдоль его только начинались строиться, в том числе дом графа Воронцова. Ни Ришельевского монумента, ни лестницы, спускающейся к морю, еще не было, и при самом начале бульвара стояли какие-то низкие мазанки, где жили неприхотливые, по-видимому, артисты итальянской оперной труппы». ⁶²⁵

Строительный бум тут начался немного позже, и, как отчетливо видно из генплана, к 1827-1828 гг. освоили 11 мест из 15-ти.

Застройщиками были: Б. Потоцкий (два места), Сарато и Верани, Вассаль, генерал Орлов, Зонтаг, город (здание присутственных мест), Шидловский, Родоканаки, упоминавшийся Лопухин, Тростянский. Незастроенными некоторое время оставались: место левого полуциркульного здания (позднее освоенное Завацким и перешедшее к Верелю), участок Ризо, перешедший к Золотареву, место Башмакова, переданное Маюрову, и место Делавоса, отданное Фуки. Впрочем, в поле зрения Поэта, несомненно, оказывались две более ранние постройки – флигеля Черновой (бывший Осипа Россет), которые Бутурлин называет «низкими мазанками», и двухэтажный дом Воронцова (бывший Николая Куликовского) с магазинами (амбарами) и службами.

По будущей *Екатерининской площади* находились дома Степана Телесницкого, Федора Андре, за оным, по *Театральному переулку* – дома графа Сен-При, Владимира Телесницкого и первичная маленькая постройка молодого архитектора Боффо, оцененная лишь в 1.000 рублей. Еще не было здесь в ту пору недвижимости, относящейся к семействам Стурдза и Эдлинг: очевидно, они арендовали частные дома, в которых Пушкин и встречался с Александром Скарлатовичем и Роксандрой Скарлатовной. Несколько готовых и строящихся новых домов располагались по правую руку, в районе нынешнего Воронцовского переуллка, улицы к будущему Сабанееву мосту и Военной балки.

Окрестности военного госпиталя и Екатерининской площади

Госпитальные казармы протягивались над Военной балкой, ниже нынешнего Воронцовского дворца, проходя через дворы теперешних домов по одноименному переулку, № 4, 6/1 и прямо по месту застройки домом по Сабанееву мосту, № 2, вплоть до самой улицы. Госпиталь интенсивно функционировал в период войны 1806-1812 гг., а 3 июля 1817-го последовал именной указ о переводе этого корпусного госпиталя 6-го Пехотного корпуса из Одессы в Тирасполь.⁶²⁶ Передислокация затянулась, казармы долгое время оставались на своих местах. И хотя раздача участ-

ков активизировалась в 1818-м, они за редким исключением дурно осваивались и переходили из рук в руки. Еще одна сложность – перемена нумерации и нарезки мест после составления плана устройства Приморского бульвара, как это было и в симметричной части бывшего Военного городка – мы об этом говорили выше. Несмотря на некоторые информационные пробелы, мы все же довольно ясно можем представить ход застройки в этом районе, понять статус-кво в 1823-1824 гг.

В 1818-1823 годах места здесь отводились: Софье Волконской, Зинаиде Волконской⁶²⁷, Софье Вассаль⁶²⁸, Софии Бороздиной⁶²⁹. Из контекста ряда архивных документов понятно, что даже весной 1822-го госпитальные казармы оставались на месте. В заседании ОСК от 31 мая 1823-го утверждена передача места, отведенного в августе 1820-го действительному камергеру Ивану Матвеевичу Муравьеву-Апостолу, оператору Городского госпиталя Камозэну⁶³⁰, который обязывался застроиться в двухлетний срок. Местоположение: места домов по Екатерининской площади, № 4, 4А и частично 6. Далее недвижимость Камозэна (№ 823 в LXXIII квартале) перешла в собственность действительного тайного советника графа Льва Севериновича Потоцкого. План солидной двухэтажной застройки по фасаду составлен архитектором Ф.О. Моранди в марте 1849 года.⁶³¹

Иосиф (Жозеф) Камозэн, доктор медицины, практикующий врач Одессы, хирург, состоял в государственной службе, благотворитель, библиофил. Награжден золотой медалью «За прекращение чумы в Одессе 1837 г.» (1838). Скончался 9 июля 1865 года на 82-м году жизни, отпевали в римско-католическом храме и похоронили на Старом кладбище 12 июля. Жена: Елисавета. Его сыновья – Людвиг, Огюст, Юлий – занимались книготорговлей: магазин братьев Камозэн помещался в доме Жюльена (№ 19) на Дерибасовской. Август (Огюст) Камозэн – член Одесского общества изящных искусств (1865-1869).⁶³²

9 апреля 1824-го утвержден план и фасад на постройку дома помещика Таврической губернии Вассала⁶³³, 14 апреля – фасад дома одесского купца Иосифа Верани⁶³⁴, 12 июня – план и фасад дома помещицы Подольской губернии *Маргариты Вильгельмовны Меер*⁶³⁵, 11 декабря – план и фасад на построение флигеля при

доме купца Верани⁶³⁶. Постройки Вассала и Верани относились к бульвару, за исключением флигеля. Из этого следует, что летом 1824-го Пушкин мог наблюдать лишь ход строительства этих зданий. А вот дом Камозна мог быть близок к завершению, но полностью не отстроен, поскольку не числится в оценочной ведомости 1824 года.

Информация о помещице Меер может представлять некоторый интерес. В засвидетельствованном в 1832 году Одесским коммерческим судом завещании значителен, что она вдова, докторша, урожденная *Дебальбье* (Де Бальби?). Судя по всему, это супруга статс-хирурга, штаб-лекаря в ведомстве Конторы строений, домов и садов Ивана (Иоганна) Мейера (1731-1803). «Домашнее духовное завещание» написано ею «в селении Ермолинцах» (ныне Ярмолинцы Гайсинского района Винницкой области), и отменяет все предыдущие, от 22 октября 1814-го, 19 мая 1816-го, 5 января 1820-го и 5 января 1832-го, составленные в Брацлаве и Умани. Оценка интересующего нас одесского дома составляет 30.000 рублей в несгораемых материалах. Кроме того, ей принадлежит хутор на городской земле близ Ботанического сада под № 6, а также причитающаяся ей сумма по имени Людвинке в Массальской Массе графини Софии Потоцкой и генеральши Ольги Браницкой. Оценочное свидетельство на дом выдано ей 23 февраля 1833 года.⁶³⁷

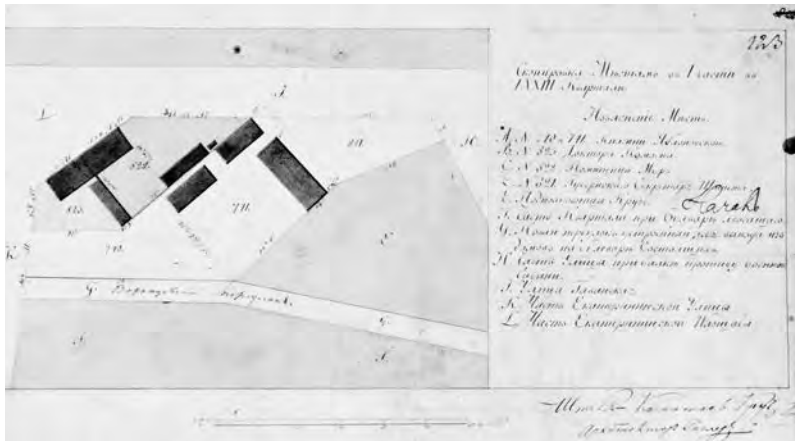
Этот сюжет, между прочим, иллюстрирует тесные связи крупных землевладельцев Подолья с Одессой, куда они транспортировали сельхозпродукцию. Кстати, неизвестная Польская Компания хлебных поставщиков (Изидор, Михаил, Иероним Собанские и др.) была сформирована в 1819-м неподалеку от Ярмолинцев, в местечке Куна Гайсинского повета.⁶³⁸

Другие существовавшие в Воронцовском переулке не позднее весны 1824-го дома: *капитан-лейтенанта Коронелли* (оценочная стоимость 8.000 рублей, годовой доход – 900 рублей), *статского советника Кирико* (соответственно – 15.000 и 1.500), *полковника Круга* (10.000, дохода не приносит), *губернского секретаря Шмидта* (5.000 и 115).⁶³⁹ Здания явно одноэтажные: старый двухэтажный дом графа Воронцова (бывший Куликовского) оценен в 40.000, а новый дом князя Лопухина – в 35.000 руб.

Дом Коронелли

Местоположение. Прежде всего, обнаружился план четной стороны почти всего Воронцовского переулка, составленный архитектором *Иваном (Иоганном) Карловичем Риглером* во второй половине 1820-х.⁶⁴⁰ На нем отмечены все владельцы недвижимости и значительная часть существующих строений: Камозн, Меер, Шмидт, Круг, княгиня Яблоновская. Правда, мы не видим здесь ни Коронелли, ни Кирико, поскольку план не вмещает территории по нынешним адресам Воронцовский переулок, № 4 и № 2. То, что Коронелли построился именно тут, рельефно подтверждается многочисленными документами и свидетельствами.

Еще до назначения Воронцова генерал-губернатором у графа наметились проблемы в связи с устройством бульвара (1822). В 1820-м он приобрел за 63 тысячи рублей расположенную на левом фланге будущего бульвара недвижимость помещика Куликовского: дом, магазин, служебные постройки. Прокладка бульвара, такого, каким он первоначально задумывался, приводила к тому, что будущий Воронцовский переулок с тыла прорезал

План участков, примыкающих к Воронцовскому переулку
со стороны Екатерининской площади. 1820-е гг. Архитектор И.К. Риглер

его владения до кромки Военной балки, а по фронту отсекал от приморского склона, на котором граф планировал разбить сад. Впрочем, Строительный комитет вошел в его положение и несколько переменял свой план: этот сюжет я подробно изложил в одной из предшествующих публикаций.⁶⁴¹

Наряженный Комитетом молодой архитектор Боффо видоизменил первичный проект: «вместо назначенной по плану дороги чрез двор графа Воронцова, он (Боффо. – О. Г.) по словесному приказанию господина одесского градоначальника (Трегубова. – О. Г.) назначил дорогу так, чтоб сломать магазин его сиятельства на восемь саженей и *провести оную мимо дома г. Коронелли*».⁶⁴² Этот магазин, примыкающий к дому, имеющему форму угольника, и флигелю Куликовского со стороны «Малой крепости», отчетливо виден на плане города, составленном Франческо Фраполли в 1807 году.⁶⁴³ То есть будущий Воронцовский переулок теперь поворачивал от дома Коронелли к морю, соединяясь с Приморским бульваром, который начинался от границы владений Воронцова. Это означает, что демонтированный магазин располагался примерно по линии нынешних бульварных строений, а недвижимость Коронелли граничила с недвижимостью Воронцова.

На этой границе мы сегодня и видим сохранившийся в перестроенном виде флигель бывшего дома Коронелли (один из построенных им четырех): левое 2-этажное строение дома № 2 по Воронцовскому переулку, стоящее торцом к оному. По сложившейся традиции, это сооружение считают одним из относящихся к службам Воронцовского дворца, однако подобное представление однозначно ошибочное. Об этом свидетельствуют как текстовые, так и картографические документы. Теперь уверенно можно сказать: этот объект – старейший образец сохранившейся застройки по Воронцовскому переулку, Приморскому бульвару и их окрестностям. Продолжим обоснование в хронологической последовательности, опираясь на источники.

13 сентября 1817-го капитану над одесским портом флота капитан-лейтенанту Коронелли отвели под застройку место № 814 в LXXIII квартале Военного форштата. 22 июля 1818-го он окончил строение согласно плану, утвержденному Строительным ко-

митетом, что и засвидетельствовал архитектор Фраполли. Размеры участка – 39 на 20½ саженой, габариты постройки – девять на шесть, при высоте две и одна пятая сажени.⁶⁴⁴ Как бы получается, то был весьма приличный 1-этажный дом на цоколе длиной 19,17, шириной 12,78 и высотой 4,686 метров. Однако реально речь тут явно идет не об одной постройке, а об их комплексе, и даже высота, очевидно, указана средняя, поскольку от нынешнего Воронцовского переулка к балке идет весьма заметный уклон. Могу предположить, что приведена ширина двух построек по фасаду со стороны переулка.

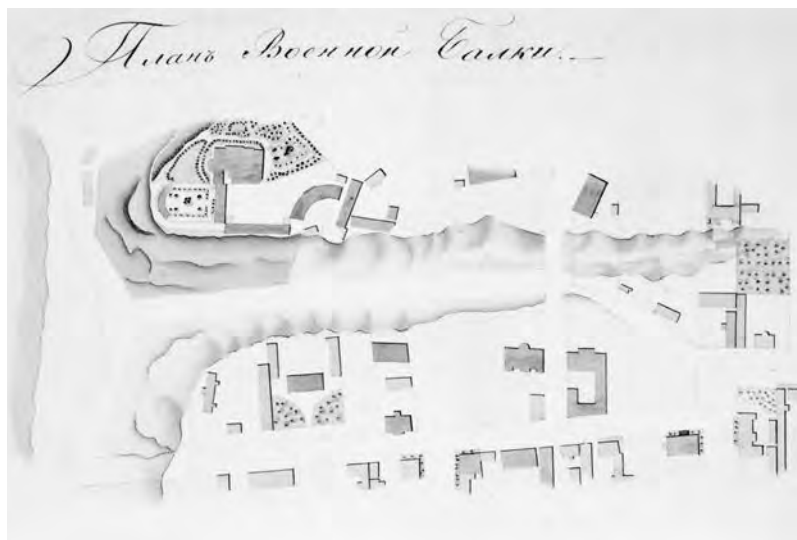
Вскоре, 18 ноября того же года, Коронелли продал этот дом одесскому 3-й гильдии купцу *Егору Дмитриевичу Ралли*. Последний 14 марта 1822-го, в свою очередь, перепродал означенную недвижимость статской советнице *Елене Антоновне де Кирико*. Характерны следующие детали этих сделок, зафиксированные в «Крепостной книге Одесского коммерческого суда для записки купчих крепостей, закладных, дарственных и отдельных, духовных завещаний»: форштат тот же, квартал тот же, но номер места не 814, а 815; «место треугольником»: от литеры В до литеры С – 22,5 сажени, от С до Д – по прямой линии 36 саженой, от Д до А – 15,5 саженой, от А до В – 20 саженой. Ралли получил от Кирико 15.600 рублей ассигнациями.⁶⁴⁵ Странное дело: написано *треугольником*, а речь идет о четырехугольнике.

2 августа 1823-го Елена де Кирико уточняет в Комитете номер приобретенного у Ралли участка. Боффо дает справку: в новопрожектированном по высочайше утвержденному плану (бульвара) – это № 817, а по городскому плану – № 814 в LXXIII квартале Военного форштата, отведенный «капитану над портом Коронелию, а по выстройке на нем дома по плану выдан ему открытый лист 1818 года июля 22 дня». Исков и претензий на эту недвижимость нет.⁶⁴⁶ 6 сентября 1823 года в Строительный комитет поступает отношение Одесского коммерческого суда: «статская советница Елена Декирико продала *генерал-майорше Ерничевой* (Егеричевой? – неразборчиво. – О. Г.) дом свой, состоящий в Одессе на Военном форштате в LXXXIII квартале под № 815-м, доставшийся ей от одесского купца Георгия Ралли по купчей крепости, совершенной в оном суде 14 апреля 1822 года, и просит

от ее на имя Ерничевой совершить купчую». Но так как из свидетельства магистрата номер не 815, а 814, то нужно уточнить. По справке Комитета, 13 сентября 1817-го бывшему капитану над портом флота капитан-лейтенанту Коронелли отведено место под № 814, а по выстройке дан ему открытый лист 22 июля 1818. Почему в купчих значится № 815-й, в Комитете не знают.⁶⁴⁷

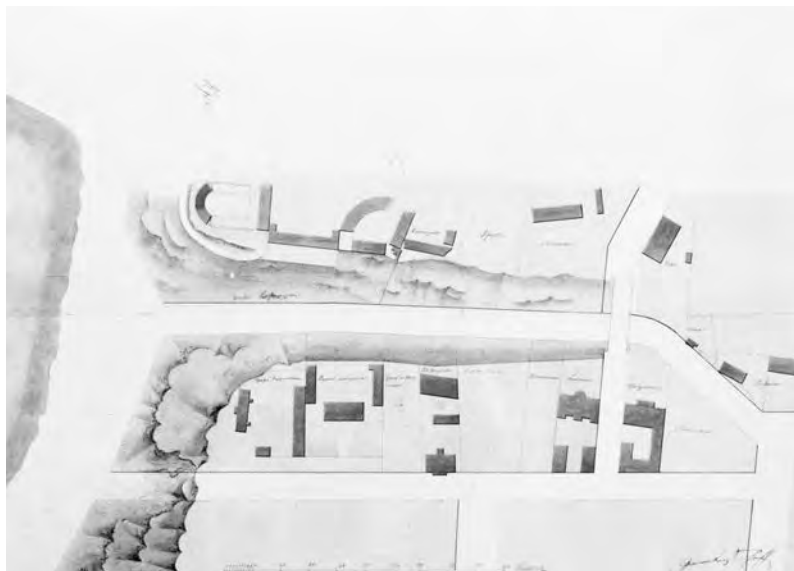
Три перепродажи за короткое время, причем на этом дело не закончилось. Можно было бы предположить, что именно по этой причине в 1822-м эту недвижимость по-прежнему именуют «домом Коронелли». Однако в ведомости «О взыскании с оценки домов на квартирную повинность денег» с 30 апреля 1824-го одним массивом фигурируют смежные дома: Воронцова (старый, бывший Куликовского), Коронелли, Кирико, Круга, Шмидта, о которых мы еще будем говорить. При этом дом Коронелли оценен в 8.000 рублей и приносит дохода – 900 рублей, дом Кирико – соответственно – 15.000 и 1.500.⁶⁴⁸ На первый взгляд, это какой-то нонсенс: одна и та же недвижимость имеет разных владельцев, разную оценку и разный доход. Впрочем, доходность в процентном отношении примерно одинаковая. Как этакая несуразица может быть истолкована? Предположением о том, что Коронелли продал Ралли, а тот – Кирико, не всю недвижимость? Не получается: несмотря на путаницу с нумерацией, место было продано целиком. Тогда, возможно, речь идет о погашении Коронелли долга по налогу с недвижимости за 1818 год? Правда, он владел этой собственной новостройкой лишь с 22 июля по 18 ноября 1818 года. В общем, однозначного ответа пока нет.

Зато сохранившиеся картографические материалы, которые здесь приведены (в сочетании с планом Риглера и городским планом Торичелли), дают очень хорошее представление о переходившем из рук в руки участке Коронелли и строениях на нем. Все это позволяет четко и однозначно атрибутировать интересующий нас флигель по Воронцовскому переулку, № 2, как одно из первичных строений, возведенных в 1817-1818 гг. капитан-лейтенантом Коронелли. В 1832-м это место с постройками по-прежнему принадлежало генеральше Ерничевой (Егеричевой?)⁶⁴⁹, но не позже 1834-го значится уже за художником И.И. Ковшаровым, о котором мы еще будем говорить.

Раскрашенный план Военной балки, К-448. 1834 г.

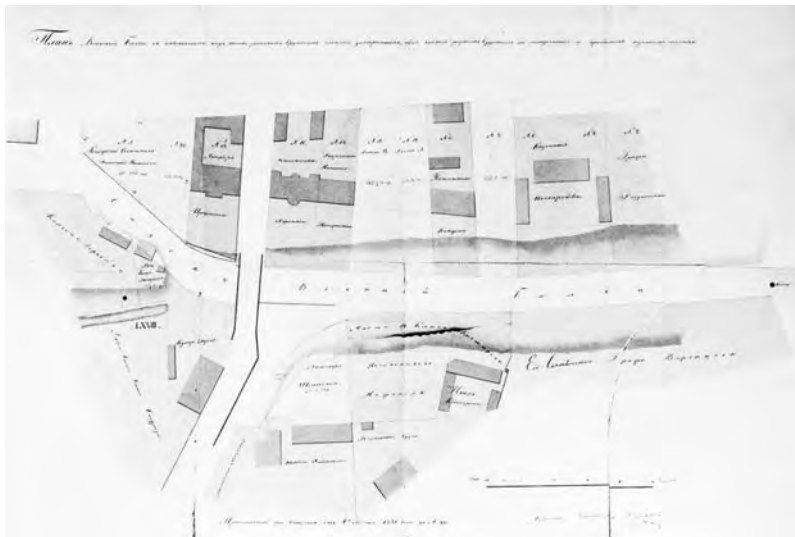
Общее представление о застройке четной стороны Воронцовского переуллка, окрестностей Сабанеева моста, улицы Надежной (Гоголя) и части улицы Гаванной дает цветной план Военной балки 1834 года.⁶⁵⁰ Здесь интересующий нас флигель отчетливо фиксируется на изломе Воронцовского переуллка, виден и современный, относительно узкий проход во двор дома № 2, где справа – сохранившееся округлое здание, относящееся к усадьбе Воронцова. Другое дело, что крепкий и довольно высокий этот флигель на мощном цоколе позднее надстроен вторым этажом, да и увеличен в длину – так, что в заднем створе уравнивается с овальной «воронцовской постройкой». Всего на участке Ковшарова три более или менее значительных строения: два торцами к переуллку (второе намного короче), третье, горизонтальное, – в глубине двора, четвертое – небольшое фасадное, обозначенное и на предшествующем плане Торичелли. Та же ситуация фиксируется двумя планами, 1834-го и 1835-го, составленными архитектором Газтано Даллакка.⁶⁵¹

План Военной балки, К-450. Исполнен Франциском Боффо в 1834-м

Если сравнить планы 1833-1835 и 1827-1828 гг, то становятся видны достройки: «наш флигель» остался неизменным, как и небольшое строение по красной линии Воронцовского переулка, в пределах застройки нынешним домом № 4 (вероятно, жилое); увеличилась площадь второго «торцового флигеля», из небольшого строения в глубине двора вырос «горизонтальный флигель». И надо ж такому случиться, что до нашего времени сохранилась, пусть даже в измененном виде, самая большая первичная постройка доушкинского времени. Полагаю, изначально это был вместительный магазин (амбар), приносивший изрядный доход. Сделаю все, чтобы данный объект был принят под охрану как мемориальный.

Немного о личности строителя. *Георгий (Егор) Ермолаевич Коронелли (Коронели)* (1773 или 1774 – 18 января 1849), представитель старинного испанского дворянского рода (в ходу и версия о греческом происхождении), коллежский советник, одесский старожил, в середине 1810-х – капитан над одесским портом, домо-

План Военной балки, К-452. Исполнен Гаэтано Даллакка в 1835-м

владелец, один из первых застройщиков (1817-1818) в районе будущего Приморского бульвара. Окончил Морской кадетский корпус, мичман (1 мая 1799), капитан-лейтенант (ранее 1817-го), кавалер орденов Святого Георгия 4 класса (26 ноября 1816), Св. Владимира 4-го класса. Жена: Розалия. Дети: Анна (4 января 1818), Спиридон (10 октября 1819) – впоследствии авторитетный одесский думец, домовладелец, Фемистокл (1812) – пакгаузный надзиратель одесской сухопутной таможни, Аристид (1808-1871) – капитан-лейтенант, Антон (в 1837-м – коллежский регистратор). 29 июня 1847 года в Одессе скончался капитан-лейтенант Либерато Коронелли сорока лет – очевидно, старший сын. Спиридон вступил в брак (18 июля 1851) с Виргинией Лаврентьевной Певероти, дворянкой католического вероисповедания, а Фемистокл (29 октября 1850) – с представительницей известной одесской фамилии Марией Викентьевной Лорович. Своего первенца (5 мая 1852) Спиридон назвал в память об отце Георгием. «Дворянин Коронелли» значится корректором и переводчиком (с русского на французский

и с французского на русский) муниципальной газеты «Journal d'Odessa» до отъезда в Яссы летом 1828 года, с годовым окладом 1.000 рублей, однако имя в архивных документах отсутствует. Возможно, это сам Георгий Ермолаевич. Брат: Антонио (1752 – 29 октября 1834), с 14 ноября 1818 – генеральный консул в Далмации, с 16 января 1825 – генеральный консул в Иллирийском королевстве, владел недвижимостью в Одессе. В конце XIX века Коронелли принадлежали место и домостроения, которыми до 1856-го владели Волконские, а затем семейство Страц, на углу Бярятинского переулка и Канатной улицы, а также дача на Куяльницком лимане. Супруга Георгия Ермолаевича, судя по всему, умерла в 1858-м, ибо при крещении 12 октября этого года Спиридон Георгиевич нарекает свою дочь Розалией (родилась 28 сентября). В 1879-1880 годах Роза Коронелли училась в Рисовальной школе Одесского общества изящных искусств. На Старом кладбище, очевидно, похоронено много представителей этой фамилии.⁶⁵²

Согласно архивным данным, с 29 октября 1817-го для проживания капитана над одесским портом Коронелли за 1.500 рублей в год нанимался дом графа Мощенского на углу улиц Еврейской (№ 14) и Итальянской (№ 29).⁶⁵³ Ранее же арендовалось другое помещение, за 1.150 рублей в год.⁶⁵⁴

* * *

О Кирико я уже подробно рассказывал выше. Поэтому перейдем к недвижимости и личности Шмидта. Владельческие документы он получил 31 мая 1822 года⁶⁵⁵, то есть это определенно дом пушкинского времени. Местоположение – примерно застройка домом Ждановой по нынешней Екатерининской площади, № 8. *Христиан Мартинович Шмидт*, аптекарь, провизор, появился в Одессе не позднее 1807-го, изначально фиксируется как Johane Schmidt⁶⁵⁶, то есть носил двойное имя Иоганн-Христиан. Дополнительную информацию о нем сообщу в разделе, посвященном Екатерининской улице. Здесь же отмечу, что служил он при карантинном доме, поднялся в чине до титулярного советника⁶⁵⁷, параллельно содержал частную аптеку, а в период катастрофической чумной эпидемии 1812-1813 годов, «рискуя жизнью и не считаясь с издержками», снабжал врачей медикаментами.⁶⁵⁸

Дом фон Круга

О недвижимости и личности Круга. Инженер-подполковник *Иван Иванович (Иоганн Иоганнович) фон Круг*, кавалер ордена Св. Владимира 4-й степени, на протяжении многих лет член и деятельный сотрудник Одесского строительного комитета: планировал застройку, составлял различные проекты, сметы, инспектировал работы по сооружению казенных зданий (в том числе главную гауптвахту, тюремный замок), мостов, колодцев, колледжеров, шоссе и т. д. и прочее. Любопытно, что И.И. Круг был первым, кто обратил внимание ОСК на недопустимость ломки камня в приморских обрывах, меж Карантинной и Военной балками, каковая неминуемо приведет к обрушениям кромки плато. С его подачи добыча здесь стройматериалов была поставлена под контроль полиции.⁶⁵⁹ Его старший сын *Давид Иванович*, военный инженер, штабс-капитан, с 18 октября 1824-го вышел в отставку из корпуса инженеров путей сообщения, чтобы занять должность городского землемера.⁶⁶⁰

Местоположение домов Круга несложно определить, сопоставляя упомянутые планы Риглера и Торичелли: один из них, более солидный, выходил фасадом на Воронцовский переулок (№ 8), другой, поменьше, на Военный спуск (№ 5/1). Окончание одного из этих домов фиксируется в заседании ОСК от 1 ноября 1820 года. При этом сказано, что место отведено 11 июня 1811-го. Архитектору Шаалю велено освидетельствовать постройку и определить границы участка.⁶⁶¹ Очевидно, это был флигель со стороны балки, фиксируемый планом 1828 года. В заседании от 30 июля 1822-го засвидетельствовано завершение строительства *другого, планового дома* в пределах того же участка, указаны соседи – доктор Макаров, о котором скоро будем говорить, негодичант Ралли (купивший дом Коронелли и перепродавший его Кирико), и двор военного госпиталя, на котором все еще есть казармы.⁶⁶² То есть *это нынешнее здание в Воронцовском переулке, № 8*, в 11 окон по фасаду. Левая его часть, до границы участка Макарова, немного позже перешедшего к Яблоновской, достроена на рубеже 1830-1840-х. Очень качественная кладка дома произведена из характерного «звонкого» плитчатого известняка

небольшого размера, так называемого дикаря, что рельефно отличает этот объект от синхронных. Это может означать лишь одно: тут использован материал от разборки сооружений «военного городка», каковой в 1821-м руководил как раз И.И. Круг⁶⁶³; речь об этом шла выше. Полагаю, основная часть этого материала или даже весь – *от разборки Екатерининского храма*.

После кончины Круга в 1826 году весь участок с постройками унаследовала его вдова Александра Карловна. Летом 1833-го она получила оценочное свидетельство от Одесского городского магистрата: семь тысяч рублей в сгораемых и полторы тысячи в не-сгораемых материалах.⁶⁶⁴ По оценке строений и участка – много разночтений. В 1824-1825 годах эта недвижимость состояла в залоге по строительному подряду одесского купца Симона Томази-ни, причем в одном случае оценочная стоимость – 30.000 рублей в несгораемых материалах⁶⁶⁵, в другом – 8.960⁶⁶⁶. Синхронно оценка при взыскании налога на квартирную повинность – 10.000 рублей.⁶⁶⁷ Это может объясняться тем, что в одних случаях оценка указана в ассигнациях, в других – в серебре. Хотя нельзя отметить возможные ошибки и описки в синхронных документах.

Подобные же «оценочные неточности» замечаются и позднее, в газетных информациях, на которые мне любезно указали С.Г. Решетов и Л.В. Ижик. Так, в сентябре 1837 года, когда вся эта недвижимость вдовы Круг была выставлена на продажу в Одесском коммерческом суде за ее долги разным лицам на сумму 4.441 рубль 58 копеек, оценка, обозначенная в газете, составляет 4.000 рублей ассигнациями. При этом указана доходность – 1.000 рублей.⁶⁶⁸ Такое категорически невозможно. Очень большой участок в самом престижном месте города со строениями, да еще приличный доходный дом: тут явная опечатка. Как мы видели, несколькими годами ранее сам дом оценили в 8.500 рублей.

Торги по продаже были назначены на 16 и 23 ноября 1837 года. Дом Круга, как известно, приобрел титулярный советник *Корнелий (Корней) Иванович Бодаревский*, несколько десятилетий, с 1821-го, служивший в канцелярии градоначальника, отец известного живописца; кстати, вполне мог быть знаком с Пушкиным.⁶⁶⁹ Другие предоставленные мне газетные объявления

Дом фон Круга (Бодаревского)

уточняют любопытные детали. С сентября 1839-го Бодаревский сдавал бывший дом Круга в Воронцовском переулке «о 20 комнатах, весь и порознь, со службами» внаем.⁶⁷⁰ В первые месяцы 1841 года Бодаревский выставял этот дом на продажу в числе прочей солидной недвижимости, однако не продал, и он оставался во владении семьи до 1900-х годов⁶⁷¹, и только потом перешел к другому владельцу.

Обращаю внимание на следующий пассаж: «...в Воронцовском переулке, новой постройки, из дикаря, приносящий доходу до 1.800 руб. серебром».⁶⁷² Ни о какой новой постройке выгодно эксплуатируемого доходного дома и говорить не приходится: здание четко зафиксировано на плане Даллаква 1835-го⁶⁷³ и др. Впрочем, как мы знаем, дом построен в 1822-м, и в общем может считаться новым. На самом же деле речь идет о достройке дома в направлении соседнего участка, к нынешнему дому № 8, до небольшого поворота переулка (смотри план Торичелли). Это было и целесообразно, и выгодно: можно было достраивать, продолжая эксплуатацию основной части здания. О том, что производилась лишь достройка, свидетельствует и характер изменения оценочной стоимости с учетом роста цен на недвижимость, тем более, в самом престижном месте – 12.650 рублей серебром.⁶⁷⁴

Данными об этой недвижимости, согласно оценочному реестру 1855 года, со мной поделился С.Г. Решетов: «Два дома, также над балкой три дома и два флигеля титулярного сов. Бодаревско-го», оценка 24.000 руб. Это хорошо согласуется с представленной выше архивной и картографической информацией: продолжается достройка со стороны балки к первичному флигелю, оценочная стоимость растет.

В целом сюжет архиважный. Сохранившийся по Воронцовскому переулку, № 8, дом Круга – поистине уникальное явление. Во-первых, это второе по старшинству после дома Коронелли сохранившееся здание на территории и в окрестностях Приморского бульвара: построено ранее 30 июля 1822 года. Во-вторых, при его сооружении использован материал, который правомерно определить как мемориальный, да и сама кладка – уникум. В-третьих, дом не просто памятник архитектуры, но в полном

смысле слова объект культурного наследия, ибо мы, кроме всего прочего, говорим о ведущем военном инженерере-путейце Одесского строительного комитета на протяжении более двух десятилетий. Невозможно оспаривать присутствие в его стенах всех членов означенного Комитета, путейцев, гражданских инженеров, архитекторов, землемеров, инспекторов работ, подрядчиков, видных военных, чиновников, домовладельцев, землевладельцев и т. д. – Кобле, Ланжерона, Воронцова, Рено, Потье, Дитерихса, Гаюи, Морозова, Джованни Фраполли, Шааля, Дигби, Боффо, Бертини, Кривчикова, Достанича, Зонтага, Колонтаева, Волконского, Инглези, Андросова, Протасова, Амвросио, Крамарева, Лучича, Сикара, Томазини и многих других. Ниже мы увидим, что Круг был хорошо знаком и с Сергеем Григорьевичем Волконским.

Здание непременно должно быть взято под охрану: я подготовил и подал по инстанции соответствующую справку. Кладка из плотного водоустойчивого дикаря здесь чрезвычайно крепкая, из дома можно сделать, что называется, картинку. Тем более – он расположен в эпицентре экскурсионных маршрутов.

Очевидно, *Александра Карловна Круг* была не первой супругой Ивана Ивановича. Учитывая большую разницу в возрасте детей Круга, они явно были от разных браков. В метрических книгах Спасо-Преображенского собора фиксируется рождение и крещение, соответственно 3 и 4 декабря 1822 года младенца *Андрея* «от родителей подполковника Ивана Круга и жены его *Александры*», причем восприемником выступал сын Круга *Алексей*.⁶⁷⁵ 23 июля 1824 года от этого брака родилась дочь *Надежда*; восприемницей указана другая дочь, *Екатерина*.⁶⁷⁶ Кроме того, я упоминал служившего в Комитете старшего сына *Давида*, а был еще *Платон*, тоже довольно известный в Одессе инженер, гидротехник, самый младший из детей И.И. Круга.

Предположение о том, что *Александра Карловна* была не первой женой И.И. Круга, определенно подтверждается метрической записью о ее кончине и отпевании в Покровской церкви 4-6 ноября 1860-го, в которой указан возраст: 72 года.⁶⁷⁷ Это означает, что она точно не могла быть матерью *Давида Ивановича Круга* и, не исключено, упомянутых восприемников *Алексея*

и Екатерины. Кроме всего прочего, метрические записи свидетельствуют о том, что по крайней мере один из супругов – Иван или Александра – приняли православие. Возможно, оба. Отчество Александры навевает мысль о том, что она могла быть дочерью человека из близкого окружения супруга: скажем, Карла Дитерихса, Карла Вейса. Но это лишь догадка. Сюжет не окончен.

Дом доктора Макарова

На закуску – о синхронной недвижимости Макарова. В журнале заседания ОСК от 30 мая 1822 года значится: коллежского советника и кавалера Макарова жена Надежда застроила место «во вновь прожектированном квартале», отведенное ей 29 июня 1821 года, возведя каменный флигель и службы по плану. Комитет выдал ей владельческие документы.⁶⁷⁸ Из более ранних комитетских бумаг видно, что в марте 1815-го рассматривалось предложение о постройке пекарни и квасоварни при Одесском военном госпитале в ближайшем к нему квартале. По этому поводу назначались торги, архитектору Фраполли велели отвести место под сие предприятие. При этом все следовало согласовывать с дивизионным доктором Макаровым.⁶⁷⁹

Александр Дмитриевич Макаров (1769-1834) – штаб-лекарь, статский советник, учился в Москве, служил подлекарем и лекарем в войсках, затем инспектором Херсонской врачебной управы, далее снова в войсках, участник Отечественной войны 1812 года, главный доктор 6-го пехотного корпуса, награжден орденом Св. Владимира 4-й степени и др, оставил записки о «моровой язве» 1812-го в Одессе.⁶⁸⁰ То есть это человек, в подчинении которого находился расположенный здесь корпусный военный госпиталь.

Однако на плане Риглера места и строения Макаровых значатся уже за княгиней Яблоновской. 13 мая 1818-го «Киевской губернии помещица княгиня Йозефина Яблоновская просила отвести ей для постройки 2-этажного дома место в начале нечетной стороны Преображенской улицы, однако не получила, поскольку оно в 1812-м было отведено сенатору В.С. Новосильцову.⁶⁸¹ 24 сентября 1823-го она же, *княгиня Юзефина Яблоновская*,

урожденная Маршковская (дочь польского магната), просит место «во вновь прожектированном квартале» и вновь получает отказ. Во-первых, просимое место отведено 17 октября 1818-го княгине Софии Волконской, во-вторых, «оное частью занято ветхою оборонительною каменною шанцевою казармою с земляным валом и рвом, то для разрешения о сем заключено доложить особо. Определили: как княгиня София Волконская сделала некоторые распоряжения на устроение сего места, то княгине Яблоновской отказать».⁶⁸²

Следовательно, вновь получив афронт, княгиня позднее приобрела недвижимость Макаровых, заключающуюся в каменном флигеле и служебных помещениях. На плане Риглера мы видим три строения, но ни одного фасадного. Местоположение – примерно в пятне застройки нынешним домом по Екатерининской площади, № 8. По прошествии некоторого времени, 10 июля 1832-го, градоначальник А.И. Лёвшин пишет Воронцову: «Частных же строений воздвигается много и скоро (...) Даже и наследники известной фирмы Яблоновской начали строить дом, который есть уменьшенная копия дома градоначальника».⁶⁸³ Тут – о масштабном казенном здании, построенном незадолго до того по улице Ришельевской, № 2.

Бывшие места Макарова, № 740-741 в LXXIII квартале, доставшиеся Яблоновской, унаследовала ее сестра, княгиня Сесилия Радзивилл. Сохранился проект застройки уже фасадных мест, составленный архитектором И.Б. Скудиери 19 октября 1845-го.⁶⁸⁴ Далее эта недвижимость перешла к неизвестному Аристу Массу, застройка осуществлялась по проекту архитектора Ф.О. Моранди от 8 февраля 1849 года.⁶⁸⁵

Городской театр

Следуя пушкинским маршрутом, мы со всех сторон обошли Театральную площадь, осталось рассказать о собственно Городском театре. Целесообразно начать с его предыстории, ибо, во-первых, временный и стационарный театры неразрывно связаны множеством обстоятельств, во-вторых, это просто любопытно.

Временный театр. Дом Ржевусской. Старый клуб

О нем давал немало информации в нескольких предыдущих публикациях, однако всегда есть что прибавить, проиллюстрировать, уточнить. Прежде обращал пристальное внимание на: 1) местоположение; 2) устройство; 3) хронологию и обстоятельства функционирования. В нынешнем контексте наших интересов второй и третий пункты и в самом деле не первостепенны, тогда как первый по-прежнему остается первым, поскольку топонимы «Старый клуб», «Старый клубный двор» и в пушкинское время сохранили свою семантику, да и фактически оставались особым социальным местом. Поэтому сосредоточусь в основном на этом моменте, а любопытные детали устройства и быта временного и первого стационарного городских театров легко почерпнуть, например, в публикации, которую без труда отыщете на сайте Всемирного клуба одесситов.⁶⁸⁶ Если же понадобятся архивные ссылки, обратитесь к моей монографии по истории градостроительства Одессы.⁶⁸⁷

Временный театр функционировал с лета 1805-го по лето 1809-го включительно. Априорная информация о его местоположении сообщалась мемуаристами, причем была противоречивой. А.А. Скальковский и Ф.М. де Рибас, а вслед за ними и обширное муниципальное издание к 100-летию города утверждают, что город арендовал для временных театральных представлений хлебный магазин графини Ржевусской на углу Ришельевской и Греческой улиц. К.Н. Смольянинов же свидетельствует о том, что представления давались «в одной из старых казарм». Обе версии, как ни парадоксально, вполне могут быть увязаны в одну, если подкрепить такое соображение некоторыми убедительными выкладками. Приступая к выкладкам, вынужден править и самого себя, поскольку нагрешил некоторыми неточностями в одной из предыдущих публикаций. Неточности эти появились, оттого что в архивные документы, которыми я пользовался, вкравлись две ошибки, допущенные канцеляристами, конспектировавшими ход заседаний Одесского строительного комитета, – укажу на них чуть ниже.

Первым владельцем и застройщиком мест на углу Ришельевской и Греческой был купец *Иван (Жан) Дофине*, в доме которого еще в 1790-е годы проходили собрания городского магистрата.

Граф И.П. Салтыков

Северин Ржевусский

Дофине, как мы уже знаем, был первым винным откупщиком, и когда ушел из жизни на исходе XVIII столетия, оставался должен городу изрядную сумму. По этому поводу мне удалось отыскать любопытнейшие документы, достойные отдельного сюжета, но суть не в том. Важно то, что на имущество покойного, включая недвижимость, был наложен секвестр. В частности, дома (где размещалась откупная контора) и винные подвалы Дофине, находившиеся на пересечении Херсонской и Преображенской улиц, оставались в ведении города и сдавались в аренду новым откупщикам.

Интересующие же нас участки и строения по Греческой (№ 23, 21) и Ришельевской (№ 12) улицам продали частному лицу, *графу Ивану Петровичу Салтыкову*. Но в архивном документе его ошибочно называли графом Петром Салтыковым, то есть перепутали с отцом, умершим в 1772 году. Мало того, датируя перепродажу И.П. Салтыковым двух мест в Одессе *графу Северину Ржевусскому (Ржевуцкому)*, канцелярист снова допустил небрежность, указав 1814 год вместо 1804-го.⁶⁸⁸ Это очевидно, по-

скольку Иван Петрович ушел из жизни 14 ноября 1805-го. Граф владел этой недвижимостью до своей кончины в 1811-м, а затем она перешла к его вдове *Констанции Станиславовне Ржевусской, урожденной Любомирской* (ее мать – урожденная Чарторыйская). Кроме того, 8 ноября 1809-го «графу Северину Ржевусскому» отмежевали под хутор 25 десятин удобной городской земли,⁶⁸⁹ однако он не успел их обзавести.

До конца 1816-го графиня не застраивала заново оба участка в самом центре города. Строительный комитет принялся настоятельно побуждать ее к застройке,⁶⁹⁰ поскольку угловое место все пустовало,⁶⁹¹ а соседнее по улице Греческой (№ 23) занимал ветхий хлебный магазин – тот самый, в котором и размещался (1805-1809) *временный театр*. По своему внешнему облику этот амбар действительно был очень похож на синхронные казармы.

План на построение большого нового двухэтажного дома с погребками был выдан Ржевусской 22 июня 1816-го,⁶⁹² и после некоторых проволочек она приступила к его реализации. Здание вызывает особый интерес как один из пушкинских адресов.⁶⁹³ Определение Комитета о выдаче Ржевусской владельческих документов последовало 5 февраля 1820 года, после освидетельствования архитектором Джованни Фраполли.⁶⁹⁴ Очевидно, дом сооружался в 1817-1819 годах, а затем отделялся изнутри. Особенно интенсивно работа шла летом 1819-го. В июле графиня через своего поверенного Яна Путятицкого просила Комитет уточнить границы мест. Это дело поручили Фраполли и Кругу, которые нашли, что размерность участков соответствует купчей крепости, а недостающие 12 вершков ушли на устройство водостока.⁶⁹⁵

В 1820-х прекрасный доходный дом очень хорошо послужил и самой владелице, и ее внучатым племянницам, *Каролине (Собаньской, урожденной Ржевусской)* и *Эвелине (Ганской, Бальзак)*. То есть с 1820-го и на протяжении ряда лет они могли располагать обширными апартаментами во втором этаже одного из лучших одесских зданий. В 1823-1824 годах оно было оценено в 100.000 рублей и давало 6.000 дохода. Дороже оценен лишь один-единственный дом – графини Браницкой.⁶⁹⁶ В пушкинское время в доме Ржевусской функционировала кофейня-кондитерская иностранца *Флорио и Компани*,⁶⁹⁷ здесь же намеревался открыть кондитерскую

лавку и известный впоследствии ресторатор *Герман Кель*⁶⁹⁸. Просимое свидетельство на легализацию кофейни он получил 16 марта 1823 года, обязавшись принять подданство России, быть причисленным в городское гражданство и предоставить аттестат о беспорочном поведении и отсутствии судимостей, требуемый 20-м параграфом Положения о содержании трактирных заведений от 14 марта 1821-го.⁶⁹⁹ 28 января 1824-го Кель написал прошение о желании содержать кофейню в доме католической церкви, то есть на следующем по Ришельевской улице квартале. Представив аттестат о добропорядочности и «мастерский лист» Одесской ремесленной управы на немецком и русском языках и оплатив акциз, он получил свидетельство на содержание этой кофейни 29 января.⁷⁰⁰

Возможность вольготного, без издержек, проживания в Одессе (хорошее жилье было не только дорогим, но и дефицитным), крепкая аристократическая польская община, родственные связи, все более возрастающее административное, коммерческое, культурное и курортное значение города, перспектива удачно устроить личную жизнь, несомненно, привлекали сюда Собаньскую. Здесь у Каролины бывали: графиня Воронцова, граф Пален, граф Северин Потоцкий, супруг ее младшей сестры И.С. Ризнич и многие другие известные фигуры. Нечего и говорить о графе Витте; после того как он сошелся с Собаньской, ее материальное положение, конечно, серьезно упрочилось.

Надо уточнить неформальную близость Каролины к домовладелице: Собаньская с малых лет воспитывалась и образовывалась в доме Констанции Ржевусской (Ф.Ф. Вигель ошибочно называет ее Розалией) в Вене. Получила превосходную светскую выучку в «первом в Европу по уму, любезности и просвещению его посетителей» тетушкином салоне, стремилась ей подражать, и таким образом поверяла и строила свою дальнейшую линию поведения.

«Каролина Адамовна Собаньская, урожденная графиня Ржевуская, – пишет Вигель, – разводная жена, составила с ним (Виттом. – О. Г.) узы, кои бы легко могли быть извиняемы, если бы хотя немного прикрыты тайной. Сколько раз видели мы любовников, пренебрегающих законами света, которые покидают его и живут единственно друг для друга. Тут ничего этого не было. Напротив, как бы гордясь своими слабостями, чета сия выставляла их напо-

каз целому миру. Сожитие двух особ равного состояния предполагает еще взаимность чувств: Витт был богат, расточителен и располагал огромными казенными суммами; Собаньская никакой почти собственности не имела, а наряжалась едва ли не лучше всех и жила чрезвычайно роскошно, следственно, не гнушалась названием наемной наложницы, которое иные ей давали. Давно уже известно, что у полек нет сердца, бывает только тщеславный или сребролюбивый расчет да чувственность. С помощью первого завлекая могучих и богатых, приобретают они средства к удовлетворению последней. Никаких нежных чувств они не питают, ничто их не останавливает;

сами матери совесть, стыд истребляют в них с малолетства и научают их только искусству обольщать. Так сужу я ныне, и мне кажется это довольно гадко; но тогда, ослепленный привлекательностью Собаньской, я о том не помышлял. Ей было уже лет под сорок, и она имела черты лица грубые; но какая стройность, что за голос и что за манеры! Две или три порядочные женщины ездили к ней и принимали у себя, не включая в то число графиню Воронцову, которая приглашала ее на свои вечера и балы единственно для того, чтобы не допустить явной ссоры между мужем и Виттом; Ольга же Нарышкина-Потоцкая, хотя по матери и родная сестра Витту, не хотела иметь с ней знакомства; все прочие также чуждались ее. В этом унижительном положении какую твердость умела она показывать и как высоко подыматься даже над преследующими ее женщинами! Мне случалось видеть в гостиных, как, не обращая внимания на строгие взгляды и глухо шумящий женский ропот

Эвелина Ганская

Каролина Собаньская

негодования, с поднятой головой она бодро шла мимо всех прямо не к последнему месту, на которое садилась, ну, право, как бы королева на трон. Много в этом случае помогали ей необыкновенная смелость (ныне ее назвал бы я наглостью) и высокое светское образование. Она еще девочкой получила его в Вене, у родственницы своей, известной графини Розалии Ржевуской, дочери той самой княгини Любомирской, которая во время революции погибла на эшафоте за беспредельную любовь свою к Франции. Салон этой Розалии некогда слыл

первым в Европе по уму, любезности и просвещению его посетителей. Нашей Каролине захотелось нечто подобное завести в Одессе, и ей несколько удалось. Пален и Потоцкий часто бывали то на утренних, то на вечерних ее беседах и веселостию ума оживляли на них разговор; Витта считать нечего, он имел собственный дом, а проводил тут дни и ночи; Ланжерона строгая жена не пускала к ней. Вообще из мужского общества собирала она у себя все отборное, прибавляя к тому много забавного, потешного, между прочим, одну г-жу Кирико и одного г. Спада, о которых говорено будет после».

Пребывание Каролины Собаньской в Одессе, что немаловажно, отмечено и сделкой в Одесском коммерческом суде: 16 июня 1822 года титулярный советник Владимир Николаевич Телесницкий (см. выше) продал «помещице Каролине Адамовой дочери Собаньской, урожденной графине Ржевуской», свой хутор на Молдаванской слободке. Площадь одного составляла пять десятин и 1.100 квадратных сажен. Хутор благоустроен: обзаведен хорошим садом, обнесен каменною стеною, здесь построен дом со службами и проч. Покупательница уплатила за все про все от-

носительно скромную сумму – 3.000 рублей государственными ассигнациями.⁷⁰¹ Таким образом, Каролина по-настоящему укоренилась в Одессе еще за год до перемещения в город Пушкина, имела возможность проводить межсезонье в центре, а теплое время – на лоне природы, устраивая пикники и вовсе ни от кого не завися.

Что касается «*Старого клуба (клубного двора)*», то это двор с постройками, примыкавший к временному Городскому театру, устроенному в хлебном магазине при доме покойного питейного откупщика Жана Дофине, который после его кончины перешел в казну за долги, а затем был продан в частные руки. Во всяком случае, временный театр всегда связывали с дворовыми местами дома графини Ржевусской на углу Греческой и Ришельевской улиц. Этот сюжет подробно изложен ниже, в разделе о ранней истории Екатерининской улицы.

Примечания

⁶²¹ Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. 59, оп. 1, д. 186, л. 458.

⁶²² Там же, ф. 2, оп. 5, д. 11, л. 1 об.

⁶²³ Там же, ф. 4, оп. 1а, д. 215, л. 8-14. – № 111.

⁶²⁴ Там же, д. 132, л. 141.

⁶²⁵ Записки графа М.Д. Бутурлина, 1824-1827. – Русский архив. 1897, № 5, с. 25.

⁶²⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXIV. – 1817, с. 440.

⁶²⁷ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 595-598, 602-603.

⁶²⁸ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 278, л. 105; Там же, д. 281, л. 231; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 231, л. 150-153.

⁶²⁹ Там же, л. 105 об. – 106.

⁶³⁰ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 283, л. 741; Там же, д. 278, л. 143 об. – 144.

⁶³¹ Там же, ф. 895, оп. 1, д. 279; Там же, ф. 59, оп. 2, д. 1332.

⁶³² Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 385.

⁶³³ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 16, л. 4.

⁶³⁴ Там же.

⁶³⁵ Там же, л. 4 об.

⁶³⁶ Там же, л. 6 об.

⁶³⁷ Одесский вестник. 1832, 3 февраля, № 10; Там же, 1833, 4 марта, № 18; ГАОО, ф. 4, оп. 8, д. 84, л. 273.

- 638 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 165, л. 100-101.
- 639 Там же, ф. 4, оп. 1а, д. 215, № 113-117.
- 640 Одесский государственный историко-краеведческий музей (ОГИКМ), инв. № К-437.
- 641 Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 119-127.
- 642 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 282, л. 468.
- 643 ОГИКМ, инв. № К-602.
- 644 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 274, л. 128.
- 645 Там же, ф. 18, оп. 3, д. 7, л. 46-47.
- 646 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 284, л. 183.
- 647 Там же, л. 413 об. – 415.
- 648 Там же, ф. 4, оп. 1а, д. 215, л. 8-14.
- 649 Там же, ф. 4, оп. 8, д. 942, л. 26. – № 92.
- 650 ОГИКМ, инв. № К-448.
- 651 Там же, инв. № К-450 и 452.
- 652 Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 348-349.
- 653 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 274, л. 2 об. – 3.
- 654 Там же, д. 273, л. 385 об. – 386.
- 655 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 284, л. 407 об. – 408 об.
- 656 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 27, л. 1.
- 657 Новороссийский календарь на 1837 год, с. 111, 158 и др.
- 658 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 268, л. 442-444.
- 659 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 88, л. 142, 143, 145.
- 660 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 146-147.
- 661 Там же, д. 278, л. 395.
- 662 Там же, д. 282, л. 151.
- 663 Там же, д. 279, л. 544-546, 619 об. – 622, 629 об. – 631.
- 664 Одесский вестник. – 1833, 12 августа, № 63.
- 665 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 286, л. 519-520.
- 666 Там же, д. 288, л. 249.
- 667 Там же, ф. 4, оп. 1а, д. 215, л. 8-14, № 115.
- 668 Одесский вестник. – 1837, 15 сентября, № 74.
- 669 Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 395-396.
- 670 Одесский вестник. – 1839, 16 августа, № 65.
- 671 К. Висковский. Путеводитель по Одессе. – Одесса. 1875, с. 74; Вся Одесса на 1899 год, с. 24; Вся Одесса на 1902-1903 годы, с. 23; Вся Одесса на 1904-1905-й год, с. 21.

- 672 Одесский вестник. – 1841, 15 февраля, № 14.
- 673 ОГИКМ, инв. № К-452.
- 674 Список домам и прочим строениям, состоящим в 1-й части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., Б. г., с. 9.
- 675 ГАОО, ф. 37, оп. 6, д. 3, л. 25.
- 676 Там же, л. 119.
- 677 Там же, оп. 3а, д. 196, л. 181 об. – 182. Сообщено генеалогом С.Г. Решетовым.
- 678 Там же, д. 281, л. 423.
- 679 Там же, д. 268, л. 185-187.
- 680 Александр Крылов-Толстикевич. Русские врачи XIX – начала XX столетий. Краткий медицинский биографический словарь. – Рукопись.
- 681 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 153.
- 682 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 284, л. 543 об. – 544 об.
- 683 Архив князя Воронцова. Кн. XXXIX. – М., 1893, с. 57.
- 684 ГАОО, ф. 895, оп. 1, д. 407; Там же, ф. 59, оп. 2, д. 835.
- 685 Там же, ф. 895, оп. 1, д. 283; Там же, ф. 59, оп. 2, д. 1298.
- 686 Олег Губарь. Начало одесского театра. – В сб.: Дерибасовская – Ришельевская. Кн. 34. – Одесса: Печатный дом, 2008, с. 11-19.
- 687 Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 462-464.
- 688 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 277, л. 69-70.
- 689 Там же, ф. 4, оп. 3, д. 570а, л. 22.
- 690 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 96, л. 517.
- 691 Plan de la ville d'Odessa, 1814.
- 692 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 277, л. 69-70.
- 693 В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье. – Одесса: «Друк», 2001, с. 38-39.
- 694 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 164, л. 65.
- 695 Там же, д. 145, ч. 2, л. 548, 549.
- 696 Там же, ф. 4, оп. 1а, д. 215, л. 8-14, I часть, № 80 и № 101.
- 697 Там же, д. 9, л. 4-8, № 15.
- 698 Там же, д. 9, л. 24-25, № 18.
- 699 Там же, л. 63, 65, 92 об.
- 700 Там же, д. 132, л. 72, 73, 73 об, 74, 75.
- 701 Там же, ф. 18, оп. 3, д. 7, л. 85.